

ПРИЧИНЫ МНОГОЗНАЧНОСТИ АБСТРАКТНЫХ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН ДЕЙСТВИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

ВИОЛЕТА ЯНУЛЯВИЧЕНЕ

Во всех известных индоевропейских языках большая часть словарного состава представлена производными лексическими единицами. Среди производных есть и особая языковая категория, объединяющая слова, посредством которых понятие действия, заключенное в исходном глаголе, может передаваться именем, т. е. в „опредмеченном виде“. Это — отглагольные имена действия, называемые в лингвистической литературе *nomina actionis*. Характерным свойством имен действия является выражение отвлеченного понятия действия с помощью значения предметности, типичного для существительного и становящегося затем базой для образования тех или иных, уже предметных значений. Напр., значение предметности служит тем семантическим средством, с помощью которого из названия единичной вещи возникает обобщенное обозначение целого класса однородных вещей или выражение отвлеченного понятия.

Генетически производные имена действия представляют собой древнюю категорию, существующую в индоевропейских языках с самых ранних времен. Их изучение имеет долгую историю. Однако в последнее время в связи с большими достижениями в области словообразования и семантики и разработкой принципиально новых теорий в языкознании отглагольное словопроизводство вновь привлекает внимание лингвистов. Но специальных работ, посвященных ономаσιологическому аспекту отглагольного словообразования, пока мало. Вот почему решение проблем, связанных с этой категорией, представляется актуальным.

Отглагольные имена действия являются единицами номинации второго порядка.

Семантика глагольных лексем не только отражает специфику обозначаемых ими действий, состояний лиц, предметов, она нередко осложнена выражением способа или вида действия, его соотносительностью со временем реального речевого акта.

Поэтому отглагольные существительные действия являются сложными образованиями не только по своей формальной структуре, но и по структуре семантической. Отглагольные имена одновременно отражают семантические признаки исходного и результативного классов слов.

Отглагольные существительные действия демонстрируют большое

разнообразие значений, которые трудно поддаются классификации на лексическом уровне. Целесообразнее их классифицировать по типу словообразовательного значения, так как они ,могут быть исчерпывающе представлены списком и способны отразить все возможные типы связей и смысловых отношений между глаголами и существительными [Рекемчук, 1985].

Словообразовательное значение (далее – СЗ) мы понимаем, вслед за Е. С. Кубряковой, как называющее тип отношений между двумя категориальными значениями, между определенным базисом и признаком. Признаком самого СЗ является его способность фиксировать обобщенную семантику однотипных производных.

Выделение основных СЗ имеет большое значение, так как в системе семантических признаков особая роль отводится тем, которые имеют статус категориальных, т. е. тем, которые, если их охарактеризовать с содержательной стороны, основываются на отражении в лексике самых общих логических категорий, или, с точки зрения грамматики, представляют собой самое абстрактное, наиболее общее значение своего класса.

Для синхронного анализа отглагольных имен действия используются 18 СЗ и их слов-идентификаторов, выделенных Л. А. Рекемчук [Рекемчук, 1985]. Но для исследования семантической структуры производных этой группы в диахроническом плане нами было выделено 13 СЗ, характерных для абстрактных отглагольных имен действия во всех исторических периодах развития английского языка. Это: the action of, the state of, the fact of, an act of, the manner of, the capacity of, the means of, the quality of, the quantity of, the object of, the result of, the place of, the time of.

Выделенные 13 слов-идентификаторов СЗ отглагольных имен существительных действия представляют собой идеальную словообразовательную парадигму глагола в направлении его „опредмечивания” и субстантивации, и можно предположить, что отглагольные имена потенциально могут реализовать все эти значения, если этому не препятствует семантика исходного глагола.

Хорошо известно, что одно и то же производное отглагольное имя со значением действия может включать в свою семантическую структуру и более одного СЗ, различающихся степенью конкретности по денотату. Так слово *drive* имеет СЗ „отдельный акт действия”, *an act of* – „катание”, „езда”, и СЗ „место действия”, *the place of* – „дорога”, „подъездная аллея”. Или же слово *bearing* имеет СЗ „процесс действия”, СЗ „образ действия” – *the carrying of oneself; carriage, deportment, behaviour*; СЗ „средство действия” – *a material support, supporting power*; СЗ „результат действия” – *a taking effect, effective result*; и СЗ „место действия” – *the direction in which any point lies from a point of reference*.

Какова же природа подобного лингвистического явления? Неясно, являлось ли появление достаточно большого числа разных значений у отглагольных имен результатом собственно словообразовательных

процессов или же результатом действия законов регулярной полисемии. Неясно также, в каком порядке и последовательности появлялись эти значения и какова их иерархия.

С ономаσιологической точки зрения, насколько нам известно, этот вопрос не изучался, хотя некоторые исследователи в своих работах высказывали разные, подчас даже противоречивые мнения о природе этого явления в синхронии. Мы постараемся раскрыть причины этого явления, подходя к нему с позиций диахронии.

Нужно еще раз обратить внимание на тот факт, что все отглагольные имена, имеющие в своей семантической структуре более одного СЗ, в первую очередь обязательно имеют абстрактное, признаковое значение, которое и супонирует само название этих производных имен *nomina actionis*, и еще одно или несколько конкретных, предметных значений. В настоящей статье мы и ограничимся одним самым абстрактным СЗ отглагольных имен, чтобы проследить соотношение такого абстрактного значения наименования действия и конкретных значений в семантической структуре отглагольного имени.

Напр., в русском языке „действие” — „объект действия” — вложение (в посылку писем — Незаконных вложений нет); „действие” — „результат действия” — бой (посуды — стеклянный); „действие” — „способ действия” — говор (слышаться — нерусский). Также и в английском языке наблюдаем идентичные соответствия этих СЗ, напр., *asking — the action of putting a question. A petition, prayer. Building — the action of constructing edifices. An edifice. Bursting — the process or action of breaking suddenly. Rushing impetuously from restraint or rest.*

Эти и другие подобные соответствия разных СЗ Ю. Д. Апресян называет регулярной полисемией, понимая под нею такие явления, когда в данном языке есть слово А со значениями a_1 и a_2 и существует по крайней мере еще одно слово В со значениями v_1 и v_2 , семантически отличающимися друг от друга точно так же, как a_1 и a_2 , и если a_1-v_1 , a_2-v_2 попарно не синонимичны. При этом он указывает, что „аналогия между словообразованием и многозначностью простирается настолько далеко, что к ней — к многозначности — оказываются применимыми такие типично словообразовательные понятия, как регулярность—нерегулярность, продуктивность—непродуктивность и др. под.” [Апресян, 1974, с. 189].

Установленные типы регулярной многозначности русских существительных, описанных Ю. Д. Апресяном, в основном совпадают с теми регулярными соответствиями, которые приводит Е. Л. Гинзбург, но уже оценивая их как результаты транспозиции и деривации [Гинзбург, 1979, с. 80].

С другой стороны, такие исследователи, как И. И. Ревзин и И. Г. Милославский, определяют наличие абстрактных и конкретных значений как разные омонимичные слова [Ревзин, 1977, с. 40; Милославский, 1980, с. 167]: „... то, что при словообразовательном анализе обычно выступает как многозначное слово, при словообразовательном синте-

зе фигурирует скорее как самостоятельные слова" [Милославский, 1980, с. 153]. Думается, что такая точка зрения не обоснована, так как по классическому определению Ш. Балли омонимами не могут быть признаны слова, которые имеют хоть какое-либо сходство референтного значения.

Другой точки зрения придерживается Т. М. Беляева, считая, что значение действия у имен мотивировано глаголом, а другие, более конкретные СЗ — именем, производным от того же глагола. Так, *linkage* — это имя, мотивированное глаголом — *the condition or manner of being linked*; но *linkage* в значении *a system of links* — это имя, мотивированное именем. Согласно ее мнению, совмещение этих мотивировок и по глаголу, и по имени в смысловой структуре отглагольного имени „не ведет к образованию омонимов в виде отыменного и отглагольного дериватов, так как отглагольные имена могут совмещать как значения действия, так и производные от него предметные значения" (подчеркнуто нами. — В. Я.) [Беляева, 1979, с. 23].

П. А. Соболева разделяет мнение о выводимости более конкретных значений из абстрактного СЗ имени действия. Ср., напр., значения существительного *обивка* — „действие по глаголу *обить*" и „то, чем обивают (ткань, кожа и т. п.)". Их можно рассматривать в равной степени как непосредственно взаимосвязанные, так и как связанные через глагол „обить". П. А. Соболева подчеркивает, что такая двойная трактовка смысловой структуры отглагольного существительного возможна только в том случае, „когда абстрактное и конкретное значения соотносятся с одним и тем же значением производящего глагола" [Соболева, 1980, с. 191].

Признавая тот факт, что, попадая в разряд существительных, первичной семантической функцией которых является обозначение предметных понятий, имена качества и имена действия испытывают естественную и сильную тенденцию к опредмечиванию своего значения, Н. Д. Арутюнова, однако, считает, что „во многих языках формируются поэтому специальные способы пересечения семантической эволюции абстрактных производных, позволяющие сохранить зыбкую и легко исчезающую границу между пропозитивной и лексической номинацией. Так, напр., взаимодействие английских имен действия на *-ing* с глагольным формообразованием, а также сохранение ими объектных валентностей глагола препятствует опредмечиванию их значений" [Арутюнова, 1976, с. 313].

Несколько иначе видит эту проблему Е. С. Кубрякова. Она пишет: „... достаточно самого акта транспозиции в класс существительных, чтобы транспонированное слово могло развить любое из присущих этому классу значений. Так, в современном английском языке отглагольные существительные на *-ing* могут обозначать простые названия соответствующих действий, состояний или процессов (в зависимости от семантики исходного глагола), но могут и приобрести одно из следующих значений предметности (*that, something, anything*), веществен-

ности (material, substance), локальности (the place, territory, area, where), темпоральности (time, period, when), лица или занимаемой должности и т. п. [Кубрякова, 1981, с. 174–175].

Решить этот спор исследователей может обращение к историческому процессу эволюции разных значений у однокорневых производных. Уже беглый просмотр словарных данных об этой группе производных и анализ дат появления разных значений показывают общие тенденции развития семантической структуры производных, подтверждая правомерность второй точки зрения. Действительно, много отглагольных имен на -ing имеют почти все предметные значения, выделенные Е. С. Кубряковой. Напр., слово cutting имеет значение названия действия по глаголу „резать”, значение объекта этого действия — a piece cut off, результата действия — a figure produced by cutting, a carving, места действия — an intersection. Точно также образованное от глагола to break существительное breaking имеет значение наименования действия „ломать” — the action of the verb to break, которое появилось в X в. (975 г.). В XIV в. это слово уже имеет СЗ the place of — a breach or gap; в XVI — СЗ the time of — breaking of the day, dawn и в XIX в. — СЗ the result of — a piece of land newly broken up.

Еще один пример — производное по конверсии имя curse. Оно было образовано от глагола в XI в. со СЗ an action of — an utterance consigning to spiritual evil, в XIV в. у него зафиксированы и более конкретные значения объекта и результата действия — the object of — an object of cursing or execration; an accursed thing or person; the result of — the evil inflicted in response to an imprecation.

Как видно из приведенных примеров, исследование дат появления этих разных СЗ в семантической структуре отглагольных имен, производных от исконных примарных английских глаголов по конверсии и на -ing, по Большому Оксфордскому Словарю показало, что все более конкретные по денотату значения появились позже абстрактных наименований отвлеченных действий. Примечателен тот факт, что в большинстве случаев у этой группы производных СЗ „результат действия” появляется последним в процессе развития семантической структуры отглагольных имен действия.

Из всего вышесказанного мы делаем вывод, что эти СЗ разной степени абстрактности не могут быть определены как различные омонимичные слова, как это предлагают некоторые исследователи [Ревзин, 1977; Милославский, 1980], ибо при такой постановке вопроса не исключено, что слова с конкретными предметными значениями могли появиться в языке раньше тех, которые имеют абстрактные признаковые значения. Исследование дат появления этих разных значений неоспоримо доказывает тот факт, что перед нами — одно и то же слово со сложной семантической структурой, включающей неоднородные СЗ. Первое, абстрактное, значение производного отглагольного имени соотносится с глаголом формально и семантически, вторые же, конкретные, значения — только семантически через посредство отглагольного име-

ни абстрактной семантики. Иначе говоря, они являют собой результат семантической деривации. Правомерно говорить поэтому о свойственной им двойной мотивированности (по глаголу и по имени) и о расширении их семантической структуры за счет появления в ней новых лексико-семантических вариантов.

Итак, большинство вторичных значений отглагольных существительных действия являются результатом метафоро-метонимических переносов этого названия действия на обозначение понятия, ассоциативно связанное с этим действием.

Однако многозначность отглагольных имен может иметь и лексический характер, причиной чего является прежде всего многозначность самого исходного глагола и потребность в номинализации каждого отдельного его значения. Напр., глагол to bind имеет следующие основные значения: 1. to tie fast, 2. to tie about, encircle, 3. to unite, 4. to unite by non-material bonds. Первое значение являлось исходным для отглагольного имени по конверсии bind со значением anything used to bind or tie, a band; второе — a twining or climbing stem of a plant or a climbing plant; третье — A curved line, placed between two notes of the same degree to denote continuance of the sound, during the value of both, лига (муз.).

Не исключен и тот факт, что многозначность отглагольных имен могла иметь и смешанный характер. Не всегда можно точно установить, каким было развитие их семантической структуры, ведь одновременно могла развиваться и семантическая структура самого исходного глагола, и отглагольного существительного.

Итак, очевидно, что разноплановые значения отглагольных имен не являются омонимичными словами, а определяются нами как многозначное производное слов. Многозначность в свою очередь может иметь лексический, деривационный или смешанный характер, но лексическая полисемия не может быть приравнена к деривационной многозначности отглагольных существительных.

CAUSES OF POLYSEMY IN ENGLISH ABSTRACT VERBAL NOUNS

V. JANULEVIČIENĖ

Summary

The aim of the present article is to investigate different meanings of English abstract verbal nouns. The author deals with the problem of their origin, whether they are the result of word-formation process or instances of regular polysemy. Contrary to the assumption of several investigators who consider abstract and concrete meanings of verbal nouns to be separate homonymous words, the author regards those different meanings as constituents of the semantic structure of a polysemantic word. Polysemy may have lexical, derivational or mixed character.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян, 1974 – А п р е с я н Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.
Арутюнова, 1976 – А р у т ю н о в а Н. Д. Предложение и его смысл: Лексико-семантические проблемы. М., 1976.
Беляева, 1979 – Б е л я е в а Т. М. Словообразовательная валентность глагольных основ в английском языке. М., 1979.
Гинзбург, 1979 – Г и н з б у р г Е. Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979.
Кубрякова, 1981 – К у б р я к о в а Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
Милославский, 1980 – М и л о с л а в с к и й И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.
Ревзин, 1977 – Р е в з и н И. И. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. М., 1977.
Рекемчук, 1985 – Р е к е м ч у к Л. А. Дифференциация словообразовательных значений отглагольных имен действия современного английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
Соболева, 1980 – С о б о л е в а П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980.

Московский государственный
педагогический институт иностранных
языков им. М. Тореза
Кафедра лексикологии английского
языка

Вручено
в декабре 1986 г.